

ЛБ 41 27

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Е. М. ПЕЩЕРЕВА

ПОЕЗДКА К ГОРНЫМ ТАДЖИКАМ

Весною 1945 г. директор Института истории языка и литературы Таджикистанского филиала Академии Наук тов. Хусейн Заде предложил мне принять участие в работе Института по изучению этнографии народов Таджикистана.

В связи с продолжением моей работы по изучению гончарного производства у горных таджиков, на осень 1945 г. была намечена поездка в Гармскую область. 1 сентября 1945 г. я выехала из Ленинграда в Таджикистан и с 17 сентября по 14 октября вела работу в селе Сари Шухон (Булькосского сельсовета Гармского района), расположенном на левом берегу р. Сурхоб.

Местность по верхней и средней части течения Сурхоба носит название Каратегин. Среди населения левого берега Сурхоба существует предание, что их предки лет 150—200 тому назад переселились в Каратегин из долины р. Хингоу, из пределов Дарваза, и что приблизительно в это время на правом берегу поселились выходцы из долины рек Зеравшана и Ягноба и частично из Самарканда. Сохранилось также предание, что раньше в этих местах имелось киргизское население, перемкнувшееся на восток в долину Алая. К памятникам, относящимся к пребыванию киргизов в этих местах, относятся небольшие курганы «qabroyi qurgiz» — «киргизские могилы». Следует отметить, что предания о передвижении населения в конце XVII и в XVIII в. имеются и в других местах Таджикистана.

На такую же (150—200 лет назад) дату своего переселения указывают и каратегинские выселенцы в долину р. Варзоб и ягнобцы, живущие ныне в ряде селений этой же долины, а также жители г. Каратага, сохраняющие предание о том, что предки их пришли из с. Дахбид, из окрестностей Самарканда. Предания о времени этих переселений совпадают с историческими известиями о смутах, происходивших в XVII и XVIII вв. в Средней Азии, и о полном запустении Самарканда.¹

Селение Сари Шухон, в котором велась моя работа, расположено, как уже говорилось, на левом берегу р. Сурхоб, на крутом склоне горы, на берегу огромной промоины, образованной отчасти водами ручья, отчасти силевыми потоками, стекающими с гор во время весенних дождей. В селении ныне около 50 домов. Жители его занимаются, как и повсюду в горах, земледелием и скотоводством. Ввиду высокого местоположения селения над уровнем моря садоводство большой роли не играет. По сло-

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 99.

вам населения, в прошлом там было развито тканье шерстяных материй, которым занимались мужчины, но в наше время селение это известно только своим гончарным производством, находящимся, как и повсюду среди населения горных частей Таджикистана, в женских руках.¹

В селении Сари Шухон оно носит характер очень развитого домашнего промысла. Все дома в селении изготавливают посуду, производя в отдельных случаях до 3—4 обжигов в сезон. Каждый обжиг дает в среднем от 150 до 200 готовых сосудов. Район сбыта посуды очень значительный: по течению реки он тянется километров на тридцать, вверх до селения Лянгари Шо и вниз до с. Сари Пуль, лежащего в нескольких километрах ниже г. Гарма. Жители ближайших селений сами приходят для приобретения посуды в Сари Шухон, а в дальние селения она вывозится. Чаще всего отправляются продавать посуду женщины, хотя иногда дело это поручается и мужчинам. Посуду никогда не продают за деньги; ее меняют на пшеницу, горох, фасоль и чечевицу.

По словам женщин, раньше сосуд продавался за то количество зерна или бобовых, которое в него вмещалось, а во время войны, в связи с вздорожанием продуктов питания, за то же количество зерна отдавали два сосуда. Заработки женщин от гончарного производства являются их личным достоянием, и они распоряжаются ими по своему усмотрению.

Несмотря на то, что все дома селения производят посуду, умением изготавливать ее обладают очень немногие женщины. В настоящее время в селении имеется несколько мастериц, которые ходят по приглашению в те дома, где женщины сами посуду делать не умеют, а при изготовлении посуды мастерицами производят только подсобные работы. Мастерицы за свою работу получают угощение (причем их стараются кормить как можно лучше) и, кроме того, вознаграждение материями или сельскохозяйственными продуктами.

Глина для производства добывается около селения в Ойдара — глубокой промоине, о которой упоминалось выше. Глина эта в сухом виде имеет светлосерый цвет с зеленоватым и синеватым оттенками. Заготавливать ее начинают с мая, пока она еще влажная от весенних дождей. Привезенную в селение глину подвергают в течение 20 дней просушиванию на солнце, после чего складывают в кучу под крышей. В дальнейшем женщины мельчат глину, разбивая ее деревянными колотушками, и просеивают через мелкие решета. Такой тщательности в подготовке глины в других местах, где существует женское гончарное производство, мы не наблюдаем. Сезоном производства посуды являются наиболее сухие месяцы — август, сентябрь и октябрь. Отдельные дома в Сари Шухон начинают производство посуды еще раньше. Хозяйки домов, под наблюдением мастериц, разводят сухую глину водой и месят ее небольшими порциями в больших деревянных чашках для теста и в глиняных лоханях для стирки белья. Каждой промешанной порции глины придается форма, несколько напоминающая грушу. Этот ком глины носит название *gunt*. Все *gunt* складываются в кучу — *loухона* в углу в жилом помещении, прикрываются смоченными водой тряпками и выдерживаются в течение 10 суток. Долгое выдерживание глины производится совершенно сознательно, чтобы она стала более пластичной.

¹ Е. М. Пещерева. Гончарное производство у горных таджиков. Известия Среднеазиатского географического общества, том XIX, Ташкент, 1929.

Когда глина готова, приглашаются мастерицы. Они работают всегда втроем, рассаживаясь при этом в таком порядке, что самая искусная из них сидит по середине, так как сосуды изготавливаются по частям и самая ответственная часть работы — придание сосуду определенной формы — приходится на ее долю.

В зависимости от формы и величины сосудов их изготавливают из одного, двух или трех кусков глины, выводя постепенно нижнюю и верхнюю части тела сосуда, а затем горло. Все три мастерицы сидят на земле. Перед ними кладутся доски для раскатывания теста, на которые кладутся *бипик* — кружки из коровьего навоза; одна сторона их совершенно ровная, а другая слегка выпуклая. Кружок кладется на доску выпуклой стороной, а на него кладется глина, из которой делается сосуд. При изготовлении небольших широкогорлых горшков, делаемых из одного куска глины, первая мастерица, работая пальцами обеих рук, выводит дно и стенки сосуда в виде цилиндра с чуть загнутым внутрь верхним краем. Формуя сосуд, она все время то одной, то другой рукой поворачивает навозный кружок. Вторая мастерица, при помощи двух деревянных ложек с нарочито обломанными ручками, придает сосуду округлую форму, выглаживая попеременно то внешнюю, то внутреннюю поверхность его, также все время вращая навозный кружок. Нижняя треть сосуда отделяется менее тщательно, чем остальная поверхность, так как в дальнейшем она подвергается еще особой обработке. Третья мастерица отгибает и формирует венчик и приделывает ручки. Применение вращения при изготовлении сосуда производится совершенно сознательно, и мастерицы твердо знают, что таким образом облегчается достижение более правильной формы сосудов.

При изготовлении крупных сосудов все три мастерицы сначала готовят нижние их части в виде неглубоких чашек, с округло расширяющимися стенками. Обычно эту работу они делают под вечер и оставляют начатые сосуды, каждый на особом навозном кружке, до следующего дня, чтобы дать окрепнуть стенкам.

В дальнейшем работа производится следующим образом. Первая мастерица берет кусок глины нужного размера и придает ему на доске форму длинного бруска, у которого один край несколько толще другого. Затем она ставит его на более толстый край, а по верхнему, более тонкому, при помощи пальцев, делает бороздку. Подхватив брусок обеими руками, она насаживает его по бороздке на края начатого накануне сосуда, предварительно смочив их водой. Движением пальцев обеих рук, начиная от середины к концам бруска, она прилепляет его к краю стенки, сводит концы и движениями пальцев кверху, выводит стенку сосуда. Вторая мастерица формирует и выглаживает тело сосуда, а третья таким же образом, как делает первая, выводит горло сосуда, выравнивая его и отгибая венчик при помощи палочки. В то время, как она одной рукой держит палочку внутри горла сосуда, другой рукой она вращает навозный кружок. После этого она приделывает ручку и заканчивает сосуд, украшая его иногда наlepным орнаментом. Готовые сосуды уносятся в закрытое помещение для просушки, где и стоят несколько дней. Затем их сушат на открытом воздухе, в тени. Когда они несколько подсохнут, при помощи железного скребка подчищаются нижняя треть тела сосудов и дно, чтобы облегчить их очень большой вес. Этим-

то и объясняется то обстоятельство, что при первоначальном изготовлении сосуда эти части его не отглаживаются. После того как сосуды обскребут железным скребком, подвергавшуюся обработке часть сосуда слегка смачивают водой и выглаживают при помощи куска сырой гли-

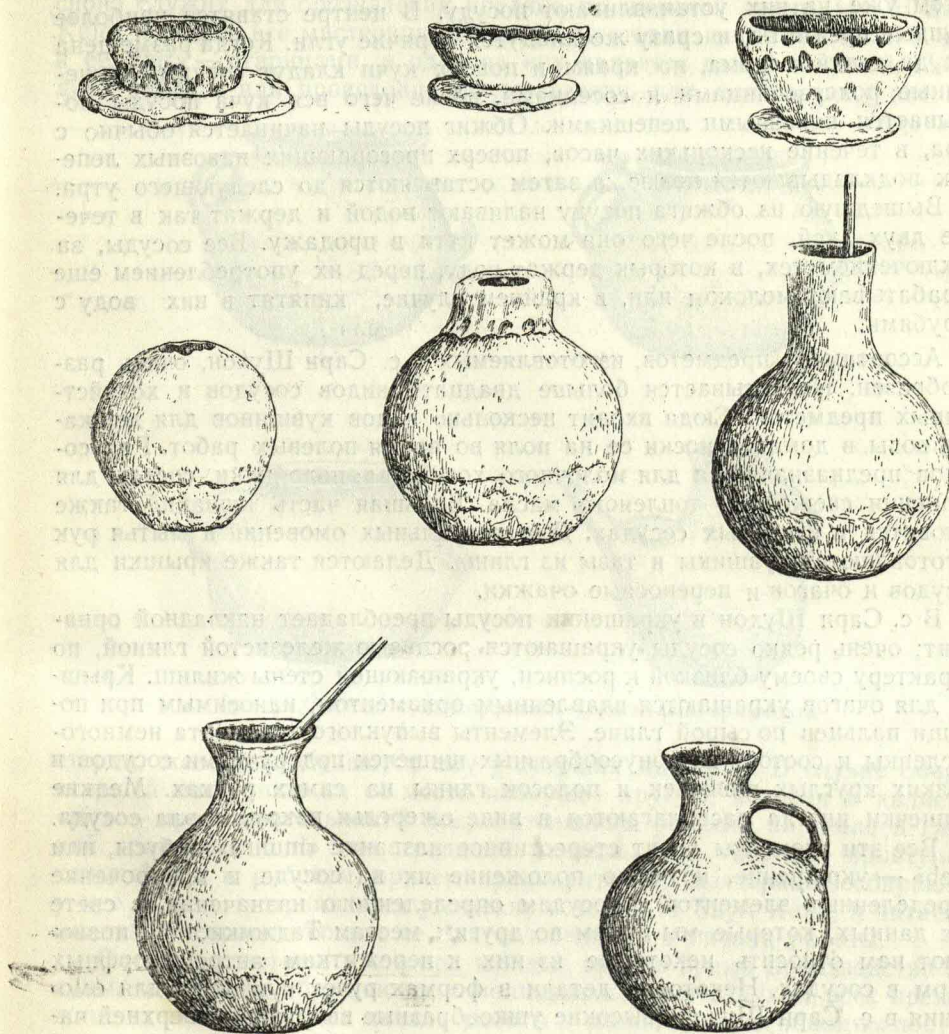

Рис. 1. Последовательные стадии производства кувшинов

ны, а после этого выставляют для окончательной просушки на крышу дома. Летом на просушку посуды уходит 10 дней, а осенью она тянется до двух недель. Окончательная отделка сосудов производится перед обжигом. Для этого готовится водяной раствор из мелкопросеянной глины густоты жидкой сметаны. Все сосуды обмазываются снаружи этим раствором при помощи мягкой тряпки и протираются паглинком старого шерстяного чулка.

Обжиг посуды производится на открытом воздухе, на ровной площадке. Топливом служат сухие лепешки из коровьего и бараньего навоза. Установку посуды также производят мастерицы. Остальные женщины подносят к месту обжига посуду и топливо. Сначала в виде круглой площадки укладываются в несколько слоев навозные лепешки, а затем уже на них устанавливают посуду. В центре ставятся наиболее крупные предметы, и сразу же кладутся горячие угли. Когда размещена посуда хозяйки дома, по краям и поверх кучи кладут сосуды, принесенные родственницами и соседками, после чего вся куча посуды покрывается навозными лепешками. Обжиг посуды начинается обычно с утра, в течение нескольких часов, поверх прогорающих навозных лепешек подкладываются новые, а затем оставляются до следующего утра.

Вышедшую из обжига посуду наливают водой и держат так в течение двух дней, после чего она может идти в продажу. Все сосуды, за исключением тех, в которых держат воду, перед их употреблением еще обрабатывают молоком или, в крайнем случае, кипятят в них воду с отрубями.

Ассортимент предметов, изготавливаемых в с. Сари Шухон, очень разнообразен. Насчитывается больше двадцати видов сосудов и хозяйственных предметов. Сюда входит несколько видов кувшинов для держания воды в домах и носки ее на поля во время полевых работ. Ряд сосудов предназначается для молочного хозяйства: поддоиники, сосуды для хранения свежего и топленого масла. Большая часть кушаний также готовится в глиняных сосудах. Для ритуальных омовений и мытья рук изготавливаются кувшины и тазы из глины. Делаются также крышки для сосудов и очагов и переносные очажки.

В с. Сари Шухон в украшении посуды преобладает накладной орнамент; очень редко сосуды украшаются росписью железистой глиной, по характеру своему близкой к росписи, украшающей стены жилищ. Крышки для очагов украшаются вдавленным орнаментом, наносимым при помощи пальцев по сырой глине. Элементы выпуклого орнамента немногочисленны и состоят из конусообразных шишечек под ручками сосудов и мелких круглых шишечек и полосок глины на самих ручках. Мелкие шишечки иногда располагаются в виде ожерелья вокруг горла сосуда.

Все эти элементы носят стереотипное название «*тиһга*» — бусы, или «*zeb*» — украшение, но само положение их на сосуде и приурочение определенных элементов к сосудам определенного назначения, в свете тех данных, которые мы имеем по другим местам Таджикистана позволяют нам относить некоторые из них к пережиткам антропоморфных форм в сосудах. Некоторые детали в формах ручек кувшинов для омовения в с. Сари Шухон (высокие ушкообразные выступы на верхней части ручки) и маслобойки с выступами в виде двух рожков на передней части сосуда и ручкой, на верхней части которой имеется расширение в виде чашечки, при сравнении их с сосудами с зооморфными ручками, находимыми при раскопках в Средней Азии (полные аналогии им мы имеем в керамике сарматского периода юга России), позволяют сделать предположение, что здесь мы имеем зооморфные элементы орнамента.

Мастерицы с. Сари Шухон имеют свою особую организацию и традиции в передаче своего искусства. Покровительницей — «*rig*» ремесла и родоначальницей всех мастериц считают Vi Sayit Kulol — Бабу Саит Кулоль. По словам одних женщин, она была «человеческого» происхо-

ждения, и могила ее затерялась. Другие говорят, что она и теперь пребывает в расселине, из которой берут гончарную глину. Имя ее с Саид Амир Кулялем, покровителем городских гончаров-мужчин, женщины никак не связывают и о Саид Амир Куляле ничего не знают. Слово «vi» обозначается в этих местах «бабка», «прабабка». Это же слово служит для обозначения предков по женской линии. От Vi Sayit Kulol и пошли все мастерицы. Старших мастериц называют так же, как и ее, «rig» — стариками, и одна из них является самой старшей. Передача ремесла или происходит по наследству, или, если в роду нет ма-

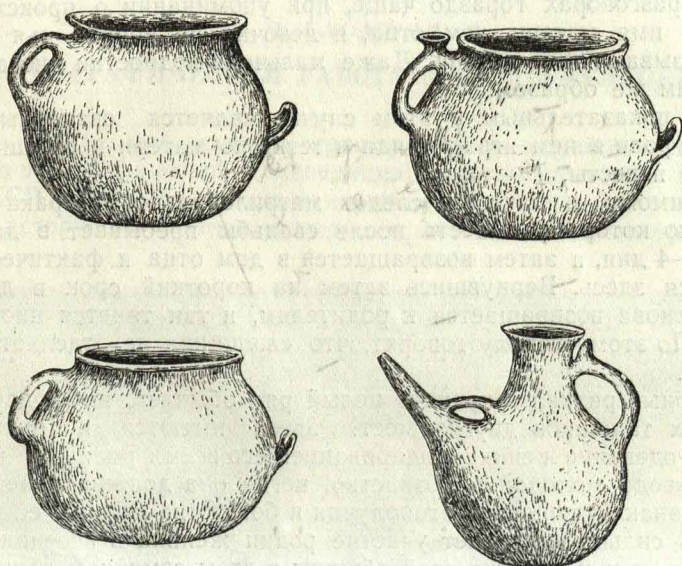

Рис. 2. Сосуды с зооморфными элементами орнамента

стериц, женщины обучаются ему у старших мастериц. В случае смерти старшей мастерицы на ее место избирают другую, которая и является «rig» — представительницей покровительницы ремесла на земле и главной хранительницей всех традиций ремесла. Она первая приступает каждый год к работам, причем предварительно мастерицы собираются у нее в доме; устраивается угощение в честь Vi Sayit Kulol, и читается молитва, испрашивающая ее благословение для начала работы.

Следует отметить, что и при каждой еде, во время производства посуды, мастерицы обращаются с молитвой к ней и к духам всех прежде живших мастериц. При начале работы в домах и перед обжигом посуды для угощения мастериц готовятся блины и havlo (кушанье из очень мелких кусочков теста, жареных на растительном масле), т. е. блюда, которые обычно готовятся на поминках в качестве жертв душам предков, и зажигаются светильники в виде палочек, обмотанных ватой, смоченной маслом, на котором жарились блины. Все эти угощения носят характер жертвы духам предков по женской линии.

Ряд собранных мною материалов, относящихся к осознанию населением своего происхождения, показывает, что в сознании горных таджиков сохраняются и другие воспоминания о материнском роде и счете родства по матери. В настоящее время обычно счет родства идет по

отцу. Мужчины постоянно в разговоре упоминают слова qanp (ар. «род») и qənda (тадж. «корневище») для обозначения рода и ведут свое происхождение от общего предка, называя его по имени. Но в то же время таджики с. Сари Шухон, говоря о том, что они выходцы из долины р. Хингоу, и считая себя связанными родственными узами с населением тех мест, выражают это в следующих словах: «Выхые и Дарваз — наши родственники по матери». Ближайшими родственниками считаются сыновья брата матери, и одинокие мужчины обычно живут у них в семьях. О дяде по матери говорят, что «он стоит на месте отца». В женских разговорах гораздо чаще, при упоминании о происхождении, слышится имя матери, чем отца, и девочки на вопрос, чья она дочь, всегда называют имя матери. Даже мальчики-подростки иногда отвечают таким же образом.

Очень показательным в этом случае является свадебный обряд. Основные роли в нем играют дяди и тетки по матери и старшие сестры жениха и невесты.

Повидимому, в качестве следов матрилокальности брака остается обычай, по которому невеста после свадьбы пребывает в доме мужа только 3—4 дня, а затем возвращается в дом отца и фактический брак начинается здесь. Вернувшись затем на короткий срок в дом мужа, молодая снова возвращается к родителям, и так тянется иногда год и больше. По этому поводу говорят, что «женщина не отделяется от своего рода».

Свадебный ритуал сохраняет целый ряд обычаев, наблюдаемых среди горных таджиков других мест: здесь имеются и торжественное бритье, и одевание жениха с одариванием его всеми родичами и гостями, и обряд ввода молодой в хозяйство, когда она должна замесить хлеб, причем в знак будущего благополучия и богатства на руки ей льют масло. Очень сильно выступает участие родни жениха в несении расходов по свадьбе, как и участие всей общины в этом семейном торжестве.

Мною собран материал по костюму, пище, по воспитанию и играм детей. В костюме с. Сари Шухон сохраняются расшитые шелками женские рубахи и мужские тюбетейки с чрезвычайно богатым и разнообразным орнаментом, характерным для Каратегина вообще. Пища по составу кушаний очень характерна для населения горных районов Таджикистана, где земледелие преобладает над скотоводством. Мясо употребляется в пищу редко, мясных кушаний мало, и готовятся они очень примитивно. Основными продуктами питания являются пшеница в виде муки (лапша, клецки, болтушка) или же в дробленом виде (для густой или жидкой каши); бобовые и овощи. Кушанья из пшеницы или муки варятся с овощами; мучные блюда никогда не варятся с мясом. К ритуальным кушаньям принадлежат блины, havlo, ozaq — кусочки теста, жаренные в масле, и «кашк» — каша, приготовляемая из пшеницы, фасоли, гороха и чечевицы во время обжига посуды, причем горшок, в котором варится кашк, ставится у кучи обжигаемой посуды и кашк должен быть сварен на этом огне. Сваренный при обжиге посуды кашк едят только мастерицы и другие женщины, а мужчинам его не дают.

В заключение пользуюсь случаем принести благодарность Таджик-станскому филиалу Академии Наук и особенно Хусейну Заде за оказанную помощь в работе.

ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА

СБОРНИК
СТАТЕЙ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТАДЖИКСКОМ ЖИЛИЩЕ ПРИВАХШСКИХ РАЙОНОВ

Южный Таджикистан изучен в этнографическом отношении еще недостаточно. Особенно мало освещено в научной литературе народное жилище, что и побудило нас опубликовать представленные здесь полевые материалы, несмотря на их фрагментарность. Значение их для разработки проблем истории культуры таджикского народа возрастает в связи с тем, что полевые исследования проводились нами более 30 лет тому назад и те виды жилища, которые тогда были зафиксированы, вряд ли сохранились ныне, ибо за послевоенные годы большинство городов и селений Южного Таджикистана построены заново. Нет, пожалуй, ни одной семьи в кишлаках Южного Таджикистана, которая не возвела бы себе нового более благоустроенного дома, традиционные черты в котором, как правило, бываю́т представлены в видоизмененной форме или отсутствуют вовсе.

Приведенные ниже материалы были собраны нами в 1946 г. во время работы в составе Вахшского отряда Таджикской археологической экспедиции¹. Тогда нам удалось посетить ряд таджикских кишлаков, начиная от Туткаула на левом берегу Вахша² и кончая Ховалингом в бассейне верхнего течения Кызылсу. Во всех кишлаках, наряду с обычными для многих других районов Таджикистана одноэтажными домами с плоскими крышами, попадалось большое количество двухэтажных, с высокими двухскатными крышами из тростника или осоки, называемыми чубтора. В Туткауле и Кулисуфиёне чубтора преобладали, а в кишлаках между Кулисуфиёном и Кангуртом все больше появлялось плоских крыш. На северо-востоке, в Ховалинге же постройки частью были с плоскими крышами, частью двухскатными. Важно отметить, что все недавно построенные дома имели плоские кровли, тогда как дома, крытые чубтора, были более старыми. Это, как нам кажется, находит подтверждение в наблюдениях Г.А. Арандаренко, относящихся к 1882 г.³ В Ховалинге, по словам Г.А. Арандаренко, "сельские постройки носят тот же тип легких сакель с двухскатными крышами, как и в Кулябе".⁴

В кишлаках левобережья Вахша, Туткауле и Кулисуфиёне, дома, крытые чубтора, были прямоугольными, причем торцовые стены значительно короче продольных. С одной стороны продольной стены пристраивался долон — летнее помещение с не доходящей до верха передней стенкой, подводимое под одну крышу с домом, причем над долоном скат ее делался значительно более пологим, линия крыши давала как бы излом. Торцовые стены выводились наверх острым углом и поверх углов стен протягивалась основная продольная балка крыши — роу (рис. 1).^{*} Дом сооружался на фундаменте из крупных галек, иногда в 5-6 рядов, на котором выкладывалась слоями из битой глины (пахсы) стена — девол. Стены выводились в 7-8 слоев пахсы, при этом на пятый слой настилался потолок, концы балок которого обычно были видны с наружной стороны стены. После 7-8 слоев пахсы торцовые стены еще наращивались на 2-3 слоя, при этом каждый следующий делался короче предыдущего. Таким путем выводились остроугольные шипы на обеих торцовых стенах, куда и укладывалась, как отмечалось, продольная балка.

В нижнем этаже такого дома располагались жилые помещения и кладовые, а второй этаж (болохона), куда попадали по глиняной или деревянной наружной лестнице, служил местом для хранения сена и дров. В Кулисуфиёне информаторы рассказывали, что в прежние времена в верхнем этаже устраивали кладовые для хранения муки, масла и других съестных припасов. В таком случае лестница во второй этаж делалась внутри дома. Долон служил летним жилищем.

В кишлаке Туткаул, как и в правобережном Нуреке (где ныне вырос од-

^{*} Иллюстрации см. в "Приложении."

ноименный город), большинство домов стояли торцом к улице. Эта торцовая стена иногда имела разный орнамент. Так, нами зафиксирован дом (рис. 1), на выходящей на улицу торцовой стене которого был процарапан (по сырой глине) орнамент в виде косых линий, а также крестов: простых и сложных, прямых и косых. Такие орнаментированные стены в Кулисуфие, Бальджуане и Ховалинге нами не отмечены.

Покрытие стен жилищ различными орнаментальными мотивами или изображениями животных было, как известно, широко распространено у таджиков горных областей, в бассейне верхнего течения Амударьи⁵. Это обычно делалось женщинами после чистки и уборки дома перед Новым годом, который отмечался во второй половине марта, в весеннее равноденствие. Наносились узоры преимущественно росписью, а в Дарвазе еще применялись и налепы из глины⁶. Нанесение орнамента на стену процарапыванием не было характерно для этого региона. Тем не менее бытование этого приема в Туткауле вряд ли можно считать случайным. Во-первых, потому что эта техника существовала здесь в керамике (производилась женщинами без гончарного круга)⁷. Во-вторых, композиционный прием (разбивка поверхности на клетки) и орнаментальные мотивы, зафиксированные на стене (рис. 1): косые параллельные линии, косой крест, сложное сочетание косого креста с прямым и с ромбом, треугольник — являлись глубоко традиционными для прикладного искусства таджиков бассейна верхнего течения Амударьи и были представлены в росписи стен⁸, резьбе по дереву⁹, вышивке¹⁰, в узорных изделиях из кусочков ткани¹¹. В-третьих, судя по сохранившимся местами до недавнего времени представлениям, по всему бассейну Амударьи, в том числе и бассейне среднего течения Вахша, бытовала идущая с глубокой древности сходная (независимо от способов нанесения) семантика указанных орнаментальных мотивов. А отсюда и одинаковая цель нанесения узоров на различные предметы, в том числе и на стены домов.

Этнографические исследования не оставляют сомнения в том, что указанные орнаментальные мотивы, растительные и другие узоры, в прошлом горных таджиков являлись магическими знаками¹². Нам уже приходилось отмечать, что крест (как прямой, так и косой) является схематизированным человеческим изображением, передающим образ духа, который должен охранять человека или вещь от зла и, в первую очередь, от зла, вызываемого "сглазом"¹³. Последующие наши полевые исследования еще раз подтвердили охранное значение креста. Так, в 1961 г. в верховьях Шерабаддары, берущей начало в Байсунских горах, в кишлаке Юкари-Мачай¹⁴, средняя вертикальная планка двустворчатых арched дверей, ведущих с улицы в усадьбу, имела резной орнамент в виде вертикального ряда ромбов, каждый из которых был разделен горизонтальной чертой на два равных треугольника, примыкающих друг к другу основаниями. Этот ряд завершался в верхнем конце планки процарапанным косым крестом (рис. 2). На вопрос о значении этих узоров старики отвечали, что они от сглаза.

Многочисленные убедительные данные о магическом значении ромбов и треугольников, генетически также восходящих к изображениям антропоморфных существ, получены А.К. Писарчик и М.А. Хамиджановой в результате изучения узорных изделий из кусочков материи, широко представленных в быту таджиков¹⁵. Дополнительно еще можно отметить, что в таджикском кишлаке Кыстакоз под Ленинабадом во время наших этнографических исследований 1950-1953 гг.¹⁶ женщины (не только пожилые, но и средних лет) еще отчетливо знали, что назначение лоскутной свадебной занавески — оградить новобрачных от сглаза.

Для нас особое значение имеют данные А.К. Писарчик о том, что в 1930-ые гг. мастера, возводившие под Самаркандом высокие покрытые резным орнаментом глинобитные стены загородных усадеб, еще помнили об охранном значении некоторых узоров и о ромбе как изображении человека¹⁷. Именно ромб и ко-

сой крест являлись наиболее часто повторяющимися узорами на этих стенах¹⁸. Примечательно также, что традиция возведения глинобитных стен с резным орнаментом была принесена в Самаркандский оазис мастерами — отходниками из приамударьинских районов: туркменами из Средней Амударьи (преимущественно из г. Керки) и узбеками из Хорезма (преимущественно из г. Ургенча, так называемыми "урганджи")¹⁹.

Таким образом, процарапанный орнамент на стене дома в Туткауле по своим мотивам и их назначению примыкает, с одной стороны, к традиции росписи стен, столь характерной для Каратегина, Дарваза, Куляба²⁰, Варзоба²¹ и Памира²², с другой — является как бы перекидным мостом, связывающим древние традиции населения областей, расположенных в верховьях Амударьи, с не менее древними и богатыми традициями населения культурных оазисов, расположенных в ее среднем и нижнем течении²³.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о справедливости неоднократно высказывавшейся М.С. Андреевым мысли о необходимости проследить многие явления как материальной, так и духовной культуры вдоль всей Амударьи, от верховьев этой великой реки, до ее низовьев. Эта мысль подтверждается и лексическим материалом, отмеченным А.К. Писарчик²⁴.

Узоры, характерные для росписи стен таджикских жилищ в верховьях Амударьи, были представлены и в наlepном орнаменте хранилищ зерна и муки, изготовлявшихся женщинами из глины. Хранилища эти в привахских районах и Кулябе назывались кули. Другое название их, употребляемое в ряде мест Средней Азии среди таджиков и оседлых узбеков, — хамба. На юге Таджикистана его знают, но не употребляют.

В мелких глиняных ларях часто хранили сушеные фрукты, орехи, шерсть и т.д. Кули имели чрезвычайно широкий ареал. Крайней границей их распространения на север, которую нам пришлось наблюдать, явились населенные таджиками долины рек Пекема и Чаткала, верховья Чирчика (рис. 3)²⁵, а на юге они отмечены М.С. Андреевым в долине реки Панджшир в пределах Афганистана²⁶. Широко бытовали они в Кулябе²⁷, Каратегине и Дарвазе²⁸.

Кули представляли собой ящики из пластин глины, смешанной с навозом и измельченной соломой, поставленные на подставку, устроенную из вбитых в пол жилища деревянных толстых кольев, с настилом из досок. Для кули небольших размеров к пластине глины, предназначенной служить дном, прилеплялись по четырем углам ножки из глины. Часто на одной подставке ставилось двойное или тройное кули для нескольких сортов зерна или муки.

На передней стенке кули, внизу, имелись отверстия, еще одно отверстие делалось в верхней пластине. Когда в кули нужно было засыпать зерно или муку, нижние отверстия затыкались тряпками и иногда даже примазывались сверху глиной, а засыпали зерно через верхнее отверстие. Иногда верхняя пластина отсутствовала, и тогда кули имели вид глубоких закромов²⁹.

Кули бывали разных размеров и вмещали иногда до двух центнеров зерна. Крупные кули, предназначенные для хранения большого количества муки, делались в виде открытого сверху ящика, т.к. муку утрамбовывали ногами. Передняя стенка ларей часто бывала орнаментирована.

Нам пришлось наблюдать одно кули, составленное из шести глиняных пластин, на глиняных же ножках в селении Кулсуфийн (рис. 4). Основание его по размерам было больше верха, и поэтому боковые пластины были не прямоугольными, а несколько суживались к верхней своей части. Общая высота его была 1,5 м. На передней стенке кули имелся орнамент из валиковой глины. Валиком из глины было обрамлено нижнее отверстие, а над ним помещена была фигура ром-

ба, поставленного на угол. От средних углов отходили, загибаясь книзу, по одному крупному завитку, а от верхнего угла отходили в том же направлении два завитка помельче. На уровне верхних завитков, ближе к углам, находились два кольцевых налета.

В селении Шахриминг в районе Ховалинга, где кули украшали гораздо более сложным орнаментом, нам пришлось наблюдать и самый процесс работы. Специальных мастеров, орнаментирующих кули, не имелось, делали это сами хозяйки домов. Женщина, работу которой нам пришлось наблюдать в 1946 г., занималась приведением в порядок своего старого кули, украшение которого за время войны не возобновлялось. Предварительно при помощи маленького топорика она сбила все старые украшения и гладко обмазала поверхность половины зернохранилища глиной. Затем она приготовила глину для орнаментирования, добавив в ее состав мелкопросеянной ячменной мякины.

Прежде всего она отделала нижнее отверстие правой половины (рис. 5). Раскатав четыре валика, диаметром в 2 см, она налепила их с четырех сторон отверстия и уплощила, приминая ладонями и тыльной частью руки. После этого сняла пальцами лишние куски, закруглила углы и, сглаживая весь налип мокрой рукой, нанесла при помощи куриного пера волнистые линии — каджак (качак). В дальнейшем, делая тонкие валики, она выводила из них орнамент центра поля, состоящий из вертикального стержня с отходящими от середины и вершины стержня двумя парами завитков, обращенных книзу. От всех четырех углов налета вокруг нижнего отверстия было также отведено по завитку. И затем, симметрично размещая их по обеим сторонам стержня, от крупных завитков она отвела, в виде веточек, мелкие. После этого она спустила расходящиеся в две стороны завитки из верхних углов поля и стала заполнять свободное пространство квадратами и кругами со вписанными в них косыми и прямыми крестами. В последнюю очередь она приделала завитки вокруг всего бортика поля и отделала ножки кули, всякий раз заканчивая до конца каждую обрабатываемую деталь всей композиции. Когда отделка одной половины кули была закончена, в том же порядке женщина отделала и вторую половину.

В орнамент кули входили определенные элементы растительного характера, состоящие из различных комбинируемых завитков, а также кругов и прямоугольников с вписанными в них прямыми и косыми крестами. Из них и составлялась композиция орнамента.

Во время нашего обследования орнаменту придавалось только значение украшения и совершенно отрицался его магическо-охранительный смысл. Однако изложенное выше (в связи с орнаментом на стенах домов) не оставляет сомнения в том, что орнаментация передней стенки кули также имела цель магической охраны содержащихся в нем продуктов, прежде всего зерна и муки. Об этом свидетельствует и изображение на кули змеи, следы почитания которой явственно сохранялись в старом быту таджиков и узбеков³⁰.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Пешерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии — Труды ИЭ, нов. сер., Т.ХІП. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1959, с.13. Полевые записи автора хранятся в научном архиве Ленинградского отделения ИЭ. Следует подчеркнуть, что сведения о жилище были записаны лишь попутно, ибо основной задачей этой поездки было изучение женского гончарного производства таджиков.

2. Ныне Туткаул перенесен и отстроен заново, т.к. прежнее место его расположения вошло в зону затопления Нурекского водохранилища.

3. Литературу по жилищу с крышей типа чубтора см. в статье Б.Х. Кармышевой в настоящем сборнике.

4. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. СПб, 1889, с.431, 432.
5. Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратага и Дарваза. М., 1903, с.36; Андреев М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Амударьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928. с.8-10, 14, рис.9; Иванов С.В. К вопросу об изучении стенных росписей горных таджиков. - КСИЭ, П, М.; Л., 1947, с.80-83; Писарчик А.К. Примечания и дополнения. - В кн.: Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад: изд-во АН Тадж ССР, 1958, вып.П, с.475, рис. 126; Мухиддинов И. Стенные росписи жилищ в селении Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления. - СЭ, 1964, №2, с.108-115; ТК и Д, 1970, вып.2, с.83-86, 90-92 и след.
6. Мухиддинов И. Указ. соч., с.110; ТК и Д, 1970, вып.2, с.90.
7. Пешерева Е.М. Указ. соч., с.51, 90, 91, рис. 12-3, 4, 5.
8. Андреев М.С. По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году. Ташкент, 1927, рис. 13; Он же. Орнамент горных таджиков..., с.14, рис. 9; ТК и Д, вып.2, с.92.
9. Семенов А.А. Указ. соч., табл. УП; Писарчик А.К. О народном прикладном искусстве Таджикистана. - В кн.: Искусство Таджикского народа - Труды Института истории АН Тадж ССР, т.ХХIХ. Сталинабад, 1960, вып.2, с.86, рис. 21; ТК и Д, 1966, вып.1, рис.62-7, 74-7, 66-1 и др.
10. ТК и Д, вып.2, рис. 19-1, 2, 5; 21-1, 2, 3, 4.
11. Там же, с. 206-210, 214.
12. Иванов С.В. Указ. соч., с. 83; Мухиддинов И. Указ. соч., с.112-115; ТК и Д, вып.2, с.83-86; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969, с.226, 227, 229, 230.
13. Пешерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии, с.110-112.
14. Жители Юкари Мачая - таджики-хардури и тюрки. См.: Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976, с.63.
15. ТК и Д, вып.2, с.203-224.
16. О Кыстакозе см.: Ершов Н.Н., Кисляков Н.А., Пешерева Е.М., Русакина С.П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства - Тр. /ИЭ, нов. сер., т.ХХIV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с.230.
17. Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда XI-X-XX вв. Душанбе: Дониш, 1974, с.106, 107, 120-122.
18. Там же, рис. 140-142 и сл.; Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.: Наука, 1969, с.133.
19. Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда XI-X-XX вв., с.107, 108, 112; Этнографические очерки узбекского сельского населения, с.65.
20. Андреев М.С. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, с.14, рис.9.
21. Андреев М.С. По Таджикистану, рис. 13.
22. Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып.П, с.478, рис.126; Моногорова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулмцев. - В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. II. - Труды /ИЭ, нов. сер., т.ХLУП. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с.45, рис.31.
23. Левина В.А., Овезов Д.М., Пугаченкова Г.А. Архитектура туркменского народного жилища. - Труды /Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Т.III. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1953, с.30-32, 41, 42 и след. рис. 33-37, 39, 48 и сл.; Сазонова М.В. К этнографии узбеков Южного Хорезма. - В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945- 1948. - Труды / Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, т.1, М.: изд-во АН СССР, 1952,

с.295, рис.22. Жданко Т.А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. Там же, с.407.

24. Писарчик А.К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XI-X-начале XX в. - В кн.: Средне-азиатский этнографический сборник. 1. - Труды/ИЗ, нов. сер.; т.ХХ1. М.: изд-во АН СССР, 1954, с.223.

25. В 1928 г., когда автору удалось посетить таджикские кишлаки бассейна Пскема, там можно было встретить глиняные лари (хамба), украшенные как выпуклым наклепным орнаментом, так и вогнутым, при котором орнамент наносится пальцем по сырой глине. Размеры их колебались от 1,5 м до небольших переносных. Две из них опубликованы в монографии о гончарстве Средней Азии (Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии, с.104, рис. 34-4,5). На них узоры в виде змеи нанесены пальцем по сырой глине.

26. Андреев М.С. По этнологии Афганистана. Долина Пандшир. Ташкент. 1927, фото между с.24 и 25.

27. Андреев М.С. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, с.13, рис. 8; Воронина В.Л. Указ, соч., с.141, 142.

28. ТК и Д. вып.1, с.255, 258, рис. 55; ТК и Д. вып.2, с.92, 93, рис. 51.

29. Название кули больше применялось к открытым ящикам (хамба) - хранилищам типа шкафа с крышкой и с отверстиями для насыпания и доставания зерна и муки.

30. Пещерева Е.М. Указ, соч., с.101-108; Хамиджанова М. Некоторые представления таджиков, связанные со змеей. - В кн.: Памяти М.С. Андреева-Труды / Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т.СХХ, Сталинабад: изд-во АН Тадж.ССР, 1960, с.213-223.

Б.Х.КАРМЫШЕВА

СТАЦИОНАРНОЕ ЖИЛИЩЕ УЗБЕКОВ-ЛОКАЙЦЕВ (СЕРЕДИНА 1940 - НАЧАЛО 1950-х гг.)

В настоящем сообщении рассматривается стационарное жилище одной из наиболее крупных полукочевых в прошлом групп узбеков Южного Таджикистана, племенное название которой было "лакай", в литературе за нею закрепилось наименование "локайцы".¹ Оседание этой группы, а значит, и освоение ею стационарного дома происходило с середины XIX и до конца 20-х гг. XX в. До этого основным видом жилища узбеков-локайцев была деревянная решетчатая юрта, крытая войлоком. Наряду с ней в качестве сезонного жилища или жилья бедняков бытовали у них разнообразные шалаши. Краткие сведения о юрте и шалахах локайцев, а также вопросы оседания их и освоения ими стационарного жилища уже публиковались мною.² Более обстоятельное рассмотрение их - тема специального исследования. Задачей же настоящей работы является введение в научный оборот материалов по тому типу стационарного жилища этой группы узбеков Южного Таджикистана, который был наиболее распространенным у них во второй половине 1940-х и начале 1950-х гг., когда проводилось мною изучение их быта.³ Для него были характерны глинобитные стены и двускатная крыша, покрытая травянистыми растениями (см. ниже). Такая крыша называлась локайцами чубтора (от тадж. чубтора; в-кулябском говоре таджикского языка - чиптора⁴). Это название обычно переносилось и на дом в целом.

Дома с крышей чубтора широко бытовали вплоть до 1950-х гг. в Южном Таджикистане (преимущественно в его долинных и предгорных районах), как